

Глава 30. Свобода.

Тот же день. Хогвартс.

— Да начнется бал! — Взмах палочки Дамблдора отправил вверх небольшой фейерверк.

Заиграла первая мелодия — приглашенные на праздник «Ведуньи» сходу начали зажигательную песню. Невилл, осторожно сжимая тонкие, почти прозрачные пальцы Луны Лавгуд, на сей раз одевшей обычное вечернее платье, раскрутил партнершу, а потом резко притянул её к себе.

Стоявшая в стороне вместе с поглощенным едой Роном Гермиона внимательно рассматривала сильно поменявшегося за полгода Лонгботтома. Неклюжий парень, смущавшийся от одной девичьей улыбки, явно остался в прошлом. Сейчас сильно похудевший юноша довольно уверенно вел в танце свою партнершу, улыбаясь ей и иногда даже с легкостью подхватывал её за талию, поднимая в воздух.

Грейнджер перевела взгляд на Рона, доедавшего уже вторую тарелку бутербродов и вздохнула — до первого медленного танца оказаться в круге со скользящими парами ей явно не светило, танцевал рыжий еще хуже, чем учился.

Лаванда Браун и Парвати Патил, в обнимку с близнецами Уизли стоявшие рядом, сочувственно, и одновременно со скрытым злорадством покивали девушке. Парвати, правда, сама выглядела несколько недовольной — спросившая у Невилла пару дней назад о его партнерше на балу, девушка получила вежливый отказ, так что, недолго думая, отправилась на праздник с Джорджем.

Быстрая и ритмичная мелодия, требовавшая от танцующих немалых хореографических навыков, чтобы выдерживать темп и двигаться четко и красиво, наконец, затихла. Солистка группы «Ведуньи», взмахнув длинными платиновыми волосами, запела медленную, романтическую песню о любви, сопровождавшуюся минорной музыкой.

— Рон, — Гермиона ткнула рыжего под ребра. — Пошли танцевать.

Рон, покосившись на девушку и оценив наконец-то степень её недовольства, послушно вывел партнершу на освещенный магией участок зала, осторожно обняв тонкую талию.

— Невилл, расскажи мне, что это за Волшебная злопыхающая колючка, которую ты собираешься подложить Малфою, — покрасневшая от быстрого танца девушка дышала тяжелее обычного, на обычно бледных щеках проступил румянец, а волосы, уже слегка растрепавшиеся, иногда падали на лицо.

Лонгботтом мысленно проклял Гарри за идиотские шутки.

— Вообще-то, Луна, — сказал он, не отрывая взгляда от сухих, растрескавшихся бледных губ девушки, между которых иногда пробегал маленький язычок, — Гарри просто глупо пошутил.

— Ну вот, — девушка чуть надулась, — Я надеялась, что потом смогу написать о таком необычном растении в «Придире» в раздел «Новости волшебной науки»!

— Думаю, у меня найдется, чем исправить последствия шутки нашего общего друга, — Невилл, отбросив мысли о достаточно сложном разговоре с бабушкой, имевшем место несколько дней назад, слабо улыбнулся.

— И чем же? — Луна в недоумении расширила глаза, приблизившись к парню.

Вместо ответа Невилл притянул девушку ближе, касаясь губами её губ. Хрупкое тело Луны на секунду застыло, а потом руки девушки осторожно легли ему на плечи.

— Лопни мои глаза, брат, — Фред, посмотревший в этот момент в их сторону, споткнулся. — Ты видишь то же, что и я?

— Нет, брат, мы с тобой оба сошли с ума и видим, как наш скромняга Невилл целует Лунатичку. Нам надо срочно выпить чего-нибудь покрепче. — Подхватив щебечущих девушек, близнецы отправились к столу, под крышкой которого была прикреплена большущая бутылка огневиски.

Ближе к полуночи, когда преподаватели сумели-таки разогнать самозабвенно танцующих учеников, сделать внушение некоторым напившимся старшекурсникам, успокоить опять поругавшихся старост Гриффиндора, в зале наступило затишье. Ученики, вяло переговариваясь и ругая преподавателей за раннее окончание праздника, тихо расползались по гостиным, некоторые собирались продолжить празднование до самого утра, каждый факультет по-своему.

Близнецы, в обнимку с девушками, одними из первых ввалились в гостиную Гриффиндора, тут же бросив украдкой в огонь Дурманиящий порошок, вызывавший периодические приступы смеха у всех, кто вдохнул почти неосязаемый аромат.

— П-р-р-адолим. — Фред, поцеловав Лаванду, вытащил из дивана еще одну бутылку.

Рон, Джордж, Симус и Томас присоединились к компании, подставив стаканы под струю пенящегося напитка.

— А где наш Невилл? — Вдруг спросил наиболее трезвый Симус, обведя взглядом гостиную. — Где наш доблестный предводитель?

Невилла не оказалось ни в гостиной, ни в спальне.

Если бы Грейнджер не ушла сразу же по возвращении спать, окончательно разругавшись с Роном, то ответственная староста факультета тут же известила бы МакГонагалл об отсутствующем ученике, да и выпить в свое удовольствие старшекурсники не сумели бы после нотаций, которые наверняка прочитала бы староста. Но она ушла в свою комнату, запершись изнутри. А второму старосте, с блаженной улыбкой смакующему огневиски, уже было море по колено, ну а остальным пропаша Невилла была вообще безразлична.

— Загулял наш предводитель. — Уже основательно набравшийся Джордж поднял бокал. — За то, чтоб ему сейчас было ха-р-р-рашо!

Невилл же, который, замирая от собственной смелости, сейчас осторожно крался по коридорам Хогвартса вместе с Луной Лавгуд, остановился, рассматривая карту Мародеров.

— Так, Снейп ушел в подземелья, Филч пока у себя в комнате, а профессора в кабинете директора. Идем!

— Коварный, коварный Невилл ведет девушку по ночному Хогвартсу, — мечтательный обычно голосок Луны был полон эмоций. Губы девушки уже слегка припухли от поцелуев, которыми они обменивались в зале и в коридорах по дороге к Комнате-по-желанию. — Ты решил

пригласить меня на романтическое свидание в тренировочный зал?

— Не совсем, — Невилл с первого раза снял запирающее заклинание.

На этот раз комната приняла вид гостиной с горящим камином, пушистыми коврами и столом со сладостями и напитками возле огня.

— Значит, это не только тренировочный зал, да? — Луна с любопытством осматривала комнату, проходя вдоль стен и прикасаясь рукой к украшавшей деревянные панели резьбе.

— Она может быть всем, чем мы захотим, — Невилл смущенно улыбнулся. — Сириус просил не рассказывать об этом свойстве...

— Потому что он не доверяет предавшим Гарри людям? — Откликнулась Луна.

— Он не знает, кому в Хогвартсе из учеников можно верить, а кому — нет. Кроме нас с тобой, естественно. Мне еще предстоит это выяснить, — покачал головой Невилл.

— Значит, ты не просто так согласился на предложение Гермионы заниматься в этой группе?

— Луна неожиданно серьезно посмотрела на своего друга.

— Да. К моменту, когда Гарри вернется, я уже должен знать, кто встанет на его сторону, а кто — будет слепо верить Дамблдору и дальше.

Луна, решив больше не забивать голову серьезными вещами, после первых в своей жизни поцелуев, сбросив туфли, закружилась по комнате, раскинув руки.

— Мне понравился сегодняшний бал, — она с улыбкой обернулась к Невиллу, на мгновение застыв с поднятыми руками. — Романтическая музыка, танец, поцелуи.

Девушка снова закружилась, напевая какую-то известную одной ей мелодию, и стены комнаты неожиданно откликнулись на ее песню, в Комнате-по-желанию зазвучала медленная песнь скрипки и фортепиано, повторяя слова Луны.

Невилл с каким-то отрешенным восторгом наблюдал, как его возлюбленная хлопнула в восторге ладошками и танцевала, уже не отвлекаясь на пение, закрыв глаза. Растрепавшиеся окончательно волосы выбились из прически, падая на лицо и окружая тонкую фигуру светлым плащом, доходившим до пояса. Маленькие голые ступни уверенно шагали по мохнатому ковру. Музыка Хогвартса и магия старинного замка окружали девушку шлейфом непостижимой для молодого волшебника силы, теперь он понял, о чем говорила бабушка, коснувшись темы семейства Лавгуудов. Их магия была непостижима и непонятна большинству живущих магов, но и настолько же притягательна.

Решившись, парень с некоторым усилием сумел вписаться в ритм танца Луны, обнимая её за талию. Раскрывшиеся глаза с горящим внутри огнем буквально лишили его способности думать. Магия парня, скованная множеством барьеров, постепенно раскрывалась, вплетаясь в танец.

Хогвартс, старинный, наполненный не до конца понятой даже самыми лучшими умами силой замок, танцевал вместе с ними. Где-то в глубинах многослойных магических полей осыпались пеплом отжившие участки, что-то прорастало заново, словно трава по весне. Древний, хранящий в истертых каменных плитах память о шагах четырех Основателей, Хогвартс обновлялся, дождавшись, наконец, прихода способной помочь в этом девушки.

Дамблдор, в одиночестве сидевший над бумагами в своем кабинете, с тревогой вслушивался в биение магии, наполнявшей замок. Уже второй раз с начала года происходило нечто, недоступное его зрению и пониманию. Феникс директора, наоборот, спокойно спал, сунув голову под крыло.

— Что-то происходит, Фоукс, что-то происходит. — Бросив недовольный взгляд на улыбающегося с портрета Хеллфайра, старый волшебник крепко сжал палочку и вышел из кабинета на поиск источника возмущений.

— Происходит, — усмехнулся с портрета Хеллфайр. — В мои времена директора лучше владели магией.

12 января 1996 года.

— Уважаемые члены Трибунала. — Снова та же обстановка немецкого здания Международного Трибунала, только люди другие. На посту председателя стоял все тот же Лихтенштейн, довольно улыбаясь своим мыслям, однако на месте, куда в прошлый раз вызывали обвиняемого Сириуса Блека, в этот раз оказался Альбус Дамблдор.

Министр магии Корнелиус Фадж, в окружении советников, среди которых мелькал черный бантик Амбридж и платиновая шевелюра Люциуса Малфоя, казался встревоженным. С одной стороны, обвиняли Дамблдора, с другой — происходящее бросало тень на всю английскую систему власти.

Я сидел в отдельной ложе, вместе с Сириусом Блеком, охранниками немецкого Аврората и закутанными в плащи с капюшонами Джеймсом, Жан-Клодом и Киараном. Маг-боевик, судя по жестам, искренне наслаждался происходящим, но внимательно посматривал на Дамблдора, отслеживая его движения. Сириус Блек не скрывал торжества, даже необходимость поддерживать хотя бы видимость лояльности к создателю Ордена Феникса не могла заглушить яростный огонек в глазах аристократа при взгляде на отправившего младенца в личный ад директора.

— Смотри, Гарри, — тихо сказал Сириус, — слева от Фаджа сидит Амелия Боунс, начальник Департамента правопорядка.

— Уважаемые члены Трибунала. — Лихтенштейн обвел взглядом собравшихся, — сегодня разбирается дело о незаконном опекунстве и нарушении условий завещания древнего благородного семейства, сокрытии важной информации от опекаемого ребенка. В английском Министерстве магии за долгие пятнадцать лет не сделали ничего, чтобы исправить ситуацию, поэтому мистер Поттер обратился в Международный Трибунал за справедливостью.

Взгляды собравшихся, в том числе и Дамблдора, скрестились на мне, но мне удалось твердо встретить разгневанный взгляд директора, не потупившись. С некоторым удивлением, появившимся на лицах англичан, они сумели все же меня опознать — ради заседания я одел такие же очки-велосипеды, которые носил в Хогвартсе, только эти были без диоптрий, перекрасил волосы в знакомый им черный цвет и не стал вставлять в глаза цветные линзы. Я буквально чувствовал пристальные взгляды Дамблдора, Малфоя и Фаджа, уткнувшиеся мне в лоб. По расширившимся на секунду зрачкам Дамблдора и его вздрогнувшим губам можно было судить, что он как минимум догадывался о содержимом моего исчезнувшего шрама.

— Мистер Поттер, не могли бы вы еще раз повторить для членов трибунала свои обвинения?

Я встал, поклонившись собравшимся.

— Господа, благодарю, что моя просьба не оставлена вами без внимания. — Киаран, шевельнув палочкой, сделал мой голос хорошо слышимым во всем зале. — Почти пятнадцать лет назад в дом моей семьи, семьи Поттеров, пришел величайший из темных магов Англии, Вольдеморт. Причины, по которым он решил убить именно меня, младенца, выделив меня тем самым из всех остальных, мне неизвестны. Да и что может быть известно младенцу. Мои мать и отец пали смертью воинов, до последнего защищая семью. — Я склонил голову, на секунду замолчав.

— После гибели моих родителей встал вопрос о том, в какой семье будет воспитываться наследник рода Поттеров, последний представитель этого рода. Следующие десять лет своей жизни я провел, не зная ни своего наследия, ни даже имени своих родителей, у магловских родственников моей матери, ненавидящих волшебство и обращающихся со мной как с рабом — избивавших меня, издевавшихся, обвинявших моих родителей в том, что они отбросы общества, недостойные называться людьми. — Мой голос окреп, наливаясь гневом.

— Спустя одиннадцать лет в мою семью пришел с известием о том, что я волшебник, один из работников Хогвартса. Но и попав в школу, я не получил никакой информации о своих родителях, своем роде, о традициях волшебного мира и о своем наследии. Мне было позволено раз в году брать сто галлеонов из детского сейфа, а ключ от сейфа хранился у Альбуса Дамблдора. — Я почувствовал, как рядом напрягся Сириус Блек.

— В конце четвертого курса, благодаря случайному стечению обстоятельств, я узнал, что от меня скрывают некую информацию. Обратившись к гоблинам в английском филиале Гринготса, я выяснил, что моим настоящим опекуном является Альбус Дамблдор, который, не ставя меня в известность о сейфе моих родителей, не позволял мне получать выписки о состоянии счетов и свободно пользовался деньгами Поттеров на правах моего опекуна. Расследование гоблинов показало, что ни одна из выписок о состоянии счетов, ни одно приглашение для беседы в Гринготс не доходило до наследника семьи Поттеров. — Я покачал головой, будто поражаясь человеческой подлости.

— Имеющий возможность жить в нормальной семье, пользоваться оставленным мне в наследство родителями детским сейфом, я одиннадцать лет своей жизни, а потом каждое лето до четвертого курса проводил в нищете, подвергался издевательствам и побоям от родственников, твердивших, что я нахлебник, бездарно тратящий их деньги. — Валленштайн, не отрывавший до этого взгляда от директора, посмотрел на меня и ободряюще кивнул.

— Спустя некоторое время мне удалось выяснить, что существовало завещание семьи Поттеров, заверенное и скрепленное в присутствии свидетелей их поверенным. Этот достойный человек сейчас все еще находится в палате безнадежно больных в Англии, полностью лишенный разума и памяти в результате, как было заявлено, налёта Упивающихся Смертью, слуг Вольдеморта. Завещание оказалось подписано должным образом, но на нем также присутствовала резолюция Министра магии Миллисенты Багнолд и главы Визенгамота Альбуса Дамблдора о том, что данное дело засекречено. — Я почти прорычал имя директора.

— Изучив завещание, я был поражен, господа. В завещании четко указывался список семей волшебников, под опеку которых я должен быть отдан в случае гибели моих родителей. Среди них был и брошенный без суда после Первой войны в Азкабан Лорд Блек, Ремус Люпин, старинный друг моих родителей, который, будучи оборотнем, не смог бы стать опекуном из-за дискриминационной политики Министерства магии Англии. Были Френк и Алиса Лонгботтомы, в результате нападения слуг Вольдеморта сразу после войны оказавшиеся в палате безнадежно больных рядом с поверенным Поттеров. Были и другие семьи, уцелевшие после войны, семьи как светлых, так и темных волшебников. Но одно исключение, указанное в

завещании, — я посмотрел на директора и увидел, как он напрягся. — Одно исключение гласит, что ни при каких обстоятельствах я не должен быть отдан под опеку родственников моей матери. Но я провел именно у них долгие и очень запоминающиеся четырнадцать лет.

— Далее, как удалось выяснить мне и нанятым мною частным детективам в магловском мире, против семьи моих магловских опекунов неоднократно подавались жалобы о жестоком обращении с ребенком. Но потом эти жалобы как по волшебству отзывались, протоколы осмотров медика почему-то исчезали, а свидетели, словно бы лишались памяти, вызванные на допрос. Я не могу обвинить в ЭТОМ директора, потому что нет ни малейшего свидетельства, кто и каким образом организовывал эту... травлю, но могу сказать одно. — Я холодно посмотрел на Дамблдора, не скрывавшего теперь ярость. — Когда я получил первое своё письмо из Хогвартса, оно было подписано адресом «чулан под лестницей», то есть уважаемый директор, величайший светлый волшебник, знал, где и как я провел счастливые годы своего детства.

— Также я не могу обвинить директора Дамблдора в том, что на протяжении моей учебы в Хогвартсе он неоднократно подливал мне зелья дружбы, привязанности и собирался напоить меня даже приворотным зельем и внушить чувства к одной из преданных ему девушек. — На этом будто ропот пронесся по рядам членов трибунала и присутствующих журналистов. — Потому что сейчас моя память, неоднократно подчищенная за последние годы, все еще не восстановилась до конца, несмотря на усилия целителей, нанятых мной.

— Но я обвиняю директора Хогвартса, Великого Светлого волшебника, Альбуса Персиваля Вулфрика Брайана Дамблдора в том, что он нарушил условия завещания моих родителей, поместив меня к магловским родственникам. — Я обвел взглядом собравшихся. — Он не поставил меня в известность о моих правах, как наследника старинного рода, не позволял мне контактировать с управляющим счетами Поттеров. Он самовольно присвоил себе права моего опекуна и не сделал ничего, чтобы позаботиться обо мне, отправив меня на долгие годы в персональный ад.

Зал зашумел. Дамблдор смотрел на меня так, будто готов был меня проклясть. Однако присутствие в зале десятков сильных волшебников, явно не лояльных к нему, пышущие магией ауры Киарана, ушедшего в боевой транс, и Блека, не оставляли ему шансов на успех силового решения.

— Благодарю вас, мистер Поттер. — Лихтенштейн откашлялся, даже не раз читавший все предоставленные Делакур-старшим документы, аристократ казался взволнованным. — Уважаемые члены Трибунала, документы, представленные мистером Поттером, оказались подлинными.

— Завещание Поттеров с резолюциями министра и главы Визенгамота. — Фадж побледнел, в бешенстве посматривая то на меня, то на Дамблдора.

— Протокол о назначении Дамблдора опекуном мистера Поттера, «в связи с отсутствием иных претендентов и утратой завещания семьи Поттеров». — Официального вида свиток с множеством печатей лег на стол. Малфой задумчиво проводил взглядом упавший на стол свиток, явно погруженный в какие-то свои мысли, возможно — пытаюсь понять, как мне удалось достать такие документы.

— Свидетельства медиков о состоянии здоровья мистера Поттера. — Длинный пергаментный свиток, исписанный рукой Андрэ Мартиньяка, лег в общую кучу.

— Уцелевшее свидетельство очевидцев о жестоком обращении с ребенком. — Белый лист магловского бланка присоединился к остальной пачке.

— Конверт от письма, полученного мистером Поттером на первом курсе. — Найденный в итоге на самом дне сундука конверт, весь смятый и до сих пор пахнувший от взрыва бомбы в комнате. Чтобы добыть этот конверт, потребовалось приложить некоторые усилия, потому что вскоре после позорного бегства Снейпа из дома Дурслей, сундук был изъят и помещен в Хогвартс на склад конфискованных Филчем опасных предметов. Ирония заключалась в том, что сундук забирал из дома Дурслей Аластор, которого попросил директор взамен однажды облажавшегося Снейпа на случай, если в сундуке окажутся иные ловушки. В итоге Аластор заглянул к Дамблдору, а после совещания — навестил склад Филча, вытащив из сундука конверт.

— Воспоминания о побоях. — Серебристые бутылочки с воспоминаниями легли на стол рядом с Омуту памяти.

— Свидетельство медиков о применении к мистеру Поттеру заклинаний Забвения.

Четверо авроров, стоявших возле Омута памяти, взмахнули палочками, отдавая ему свою силу, позволяя всем собравшимся в зале членам Трибунала погрузиться в просмотр воспоминаний. Дамблдор, Фадж и Боунс тоже получили возможность увидеть жизнь Героя магического мира.

Просмотр длился больше двух часов. Замершие в каменной неподвижности тела волшебников были опутаны тончайшими нитями магии иллюзий, вырывавшимися из старинной чаши Омута памяти. Только авроры раз в пятнадцать минут сменялись возле чаши, приходя на смену истощенным товарищам.

Наконец Омут погас, а Лихтенштейн, потирая лоб, палочкой собрал из него воспоминания обратно в бутылочки. Собравшиеся молчали, переваривая все эти бесконечные сцены ругани, оскорблений, избиений, редкие моменты сочувствия со стороны учителей и их последующее увольнение. Картины не могли доказать, действительно ли Дамблдор способствовал превращению моей жизни в ад, но усиливали мое обвинение в нарушении условий завещания.

— Альбус Персиваль Вулфрик Брайан Дамблдор. — Лихтенштейн взял слово. — Трибунал переносит ваше выступление на следующий день, пока все члены Трибунала не изучат досконально представленные мистером Поттером доказательства. Но скажу от себя лично, если вы не сумеете оправдаться, я сделаю все возможное, чтобы вы никогда больше не появились на территории Германии.

— Похоже, Председатель решил воспользоваться вашим процессом как предлогом, чтобы окончательно унизить Дамблдора и отомстить за его поддержку дела Гриндевальда в прошлом, — склонился к моему плечу Жан-Клод.

— Могу ли я за это время побеседовать с мистером Поттером? — Дамблдор, взявший себя в руки, посмотрел на председателя.

— Сожалею, мистер Дамблдор, но это невозможно. Процедурой запрещены контакты обвиняемого и пострадавшего. — Директор гневно сверкнул глазами, и я подумал, что он явно собирается наплевать на запреты и разыскать меня как можно быстрее еще до наступления следующего дня.

— Думаю, мы можем уходить, — Джеймс встал с места и потянул за собой остальных. — До завтра нам тут нечего делать.

Выйдя из зала суда, мы отошли к границе блокирующих чар и активировали портключи, каждый из которых вел в разное место. Жан-Клод унесся на юг Франции на курорт, куда двумя днями ранее отправилась его жена — большое количество волшебников, находящихся там, было способно сбить со следа даже самые чуткие устройства, отслеживающие след аппарации и ауру мага. Сириус, выглядевший невероятно довольным, вернулся в свой семейный особняк, собираясь превратить его в неприступную крепость в ожидании возможного визита Альбуса. Перед уходом он сказал, что планирует пригласить в гости Аластора и еще двух своих союзников на случай, если Дамблдор попытается предъявить ему какие-то претензии.

— В любом случае, — Блек хрипло рассмеялся. — Ему нечего предъявить мне, доказательств, что это организовал именно я, у него нет. И он наверняка понимает, что у меня попросту не хватило бы времени и сил, чтобы собрать нужные сведения и устроить такую ловушку.

Джеймс, решивший остаться в Берлине, растворился в сумерках какого-то сквера, на границе которого мы стояли.

А мы с Киараном, уйдя последними, оказались в Париже, откуда Киаран тут же перенесся в свой родовой дом, а я с помощью последнего оставшегося портключа перешел в особняк Делакуров.

Когда я, тихо пробравшись по уже спящему особняку и наскоро умывшись, подошел к комнате Флёр, там было тихо. Запертая дверь, повинаясь моим усилиям, уступила, без скрипа пропустив меня в темноту комнаты. Крошечный огонек, созданный мной, освещал дорогу ровно настолько, чтобы не столкнуться с мебелью по дороге к спальне.

Раскинувшаяся на кровати сбросившая одеяло Флер была... беззащитно-красива. Светлые волосы, окутавшие подушку, безмятежное лицо, тихое дыхание спящей девушки. Сигнальных чар возле кровати и в комнате не было, так что я, бесшумно освобождаясь от большей части одежды, лег рядом с любимой, прижимаясь к её спине и обнимая стройное тело.

— Гарри, — сквозь сон пробормотала Флер, ощутив мое присутствие. — Ты вернулся.

— Да, родная, — я поцеловал розовое ушко. Моя рука накрыла холмик груди, скрытый только тончайшей тканью ночной рубашки, и спустя короткое время напрягшийся сосок уже упирался мне в ладонь, а девушка мурлыкнула от удовольствия.

Дыхание Флер постепенно стало хриплым, пока мои губы вдумчиво исследовали нежную кожу за ушком, плечи и шею, девушка прижалась ко мне крепче, тонкая рука скользила по моему телу.

— Еще, — тихий прерывистый шепот вырвался из губ девушки, когда моя рука поползла ниже, погладив гладкую кожу бедра, накрыла самое чувствительное место, — Вот так, да!

Близость любимой девушки буквально сводила меня с ума, больше всего на свете хотелось только одного, а Флер только усугубляла ситуацию — двигаясь в такт ласкающим движениям пальцев, она терлась об меня ягодицами, вызывая почти неконтролируемое желание. Наконец, тихо вскрикнув, девушка выгнулась дугой, охваченная волной наслаждения.

Не давая ей успокоиться, я осторожно перевернул Флер на спину, раздвигая стройные ноги.

— Гарри, что ты хо.. Аaaa.., — Флер задохнулась, когда мой язык осторожно коснулся гладкой-гладкой кожи, уже влажной и трепещущей. Руки девушки притянули мою голову ближе, ероша волосы, и она снова изогнулась, что-то протонав.

Дождавшись, пока мурлыкающая под моими ласками Флер в последний раз вскрикнет, царапая пальцами простыни, я лег рядом, обнимая разгоряченное тело. Однако, вместо того, чтобы заснуть как в прошлый раз, девушка решила по-другому. В следующую секунду я оказался уложен на лопатки, а верхом на мне, улыбаясь, удобно устроилась Флёр.

— Я же говорила, что собираюсь взять реванш, — девушка, многообещающе проведя языком по своим искусанным губам, наклонилась надо мной, щекоча волосами живот.

15 января 1996 года. Усадьба Уизли

«Альбус Дамблдор нарушил условия завещания Поттеров!

Вчера в Международном Трибунале было рассмотрено обвинение Гарольда Поттера в отношении Альбуса Дамблдора, главы Визенгамота в нарушении условий завещания Поттеров, незаконном присвоении себе опекунских прав и в утаивании информации о наследстве и правах мистера Поттера.

Продолжавшееся два дня заседание Трибунала, на котором мистер Поттер представил множество несомненных подтверждений своих слов, привело к лишению Альбуса Дамблдора статуса опекуна мистера Поттера. Опекуном Гарольда Поттера на оставшееся до его совершеннолетия, назначен лорд Сириус Блек, крестный отец юноши.

Стоит отметить, что, поскольку мистер Поттер является единственным уцелевшим представителем этого семейства, его совершеннолетие, благодаря исключению в законах о наследовании титула главы рода, наступит через полгода, в шестнадцать лет, после чего он сможет принять звание Лорда Поттера и получит свой голос в Визенгамоте, которым на данный момент управляет его крестный отец и опекун Сириус Блек.

Неподтвержденными, но прозвучавшими на заседании Трибунала обвинениями остались обвинение Дамблдора в сознательном пренебрежении здоровьем и благополучием ребенка, отданного под его опеку и использование зелий Дружбы, Привязанности и Приворотного, в котором он обвинил семью одного близкого к Дамблдору министерского чиновника.

В следующих выпусках нашей газеты мы постараемся довести до наших читателей больше подробностей о предъявленных обвинениях и можем сообщать заранее, что открывающиеся перед нами сейчас факты свидетельствуют о совершенно невероятном цинизме и жестокости известного в Англии человека.

Рита Скитер, специальный корреспондент».

Артур Уизли отшвырнул газету в сторону. На его резко посмурневшем лице проступили вены, — настолько он был охвачен яростью. Молли, с недоумением повернувшись к главе семьи.

— Молли, о чем они говорят в этой поганой статье?! — Артур с каждым словом сильнее наливался кровью.

— О чем ты, Артур?

— О близкой к Дамблдору министерской семье и приворотных зельях?

Миссис Уизли с некоторым беспокойством покосилась на мужа, бывшего всю жизнь мечтательным, погруженным в свою работу и исследования подкаблучником, который внезапно обрел несвойственную ему твердость характера.

— Откуда я могу это знать?

— ОТКУДА? — Раненым гризли взревел Артур, вскакивая с места. — ДА ПОТОМУ ЧТО У ГАРРИ НЕ БЫЛО КОНТАКТОВ С ДРУГИМИ СЕМЬЯМИ! Он приезжал на каникулы ТОЛЬКО В НАШ ДОМ, ИДИОТКА!

Резко успокоившись, Артур уперся руками в дубовый стол, нависая над женщиной.

— Что еще я не знаю об отношениях Гарри и всех вас? Получается, пока я сутками проводил время в министерстве, чтобы хоть немного обеспечить семью, вы подливали спасшему Джинни от смерти человеку зелья?

— Артур, это вранье, — Молли покраснела от негодования. — Я не знаю, кто надоумил мальчика сказать подобную наглую ложь про нас!

— Если после того, как Гарри вернется в Англию, я узнаю, что он был прав, вы еще ответите за свои слова. МНЕ не безразлично, что говорят про нашу семью. И Я помню, что он сделал для всех нас.

Мужчина вышел из комнаты, хлопнув дверью так, что с потолка посыпались куски штукатурки, а сама дверь жалобно повисла на одной петле.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848541>